

КИРАН КРАМЕР

МОЙ ГРАФ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К77

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Kieran Kramer

THE EARL IS MINE

Перевод с английского *М. А. Комцян*

Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства
St. Martin's Press, LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Крамер, Киран.

К77   Мой граф : [роман] / Киран Крамер ; [пер. с
англ. М. А. Комцян]. — Москва : Издательство
АСТ, 2015. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-084353-4

В свое время Пиппа Харрингтон больно уязвила своего лучшего друга Грегори Шервуда, лорда Уэстдейла. Однако теперь, под угрозой брака по расчету, девушка понимает: Грегори единственный в силах помочь ей бежать в Париж, где она собирается учиться любимому делу.

Но хватит ли у нее смелости просить у Грегори помощи? Хватит ли у лорда Уэстдейла благородства забыть о былых обидах? И что еще важнее: способны ли Пиппа и Грегори понять наконец, что они созданы друг для друга и принимают за дружбу настоящую, большую любовь, неразрывно связавшую их раз и навсегда?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Kieran Kramer, 2013
© Перевод. М.А. Комцян, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-084353-4

Пролог

Молодой человек, который каждое утро облачался в платье графа Уэстдейла, был несчастен. Его звали Грегори Шервуд, и он имел все, что только можно пожелать, но, как узник, который не может наслаждаться прекрасным днем за зарешеченным окном своей тюрьмы, Грегори не в состоянии был радоваться ни семье, ни богатству, ни титулу.

Он являлся законным наследником маркиза Брейди.

Но не был его сыном.

И это обрекало его на жизнь во лжи.

— Ты же знаешь, мама хотела, чтобы мы сохранили эти драгоценности для женщин, на которых женимся, — сказал его брат Питер с легким ирландским акцентом, с которым говорили все трое братьев Шервуд. Он заглядывал через плечо Грегори, который рылся в маленьком сундучке на туалетном столике, пока не выудил обтянутую шелком коробочку. В ней лежало кольцо с рубином, что их покойная мать Нора оставила ему в своем завещании. — Ты собираешься делать предложение?

Грегори прекратил поиски и сердито зыркнул на младшего брата:

— А ты как думаешь?

— Правда? — Питер коротко хохотнул. — Ты шутишь, да? Брак — это же надолго.

Да, очень надолго.

Но потом Грегори вспомнил вчерашний вечер, прелестную стыдливую Элизу и как он точно знал, что делает, когда уложил ее на диван в дальней гостиной одного из особняков в Мейфэре в разгар бала-маскарада и забрался ей под платье. Родители девушки уже давно подталкивали ее к нему, так что соблазнение не стало для нее неожиданностью. Она издала тихий вскрик девственницы, когда он первый раз вошел в нее. А потом был момент прямо перед тем, когда она достигла вершины, ее стройные ножки обвили его спину, таз выгнулся вверх, и Элиза тихонько вздохнула ему в шею.

Грегори испытывал необычайное удовлетворение, выпуская в нее свое семя. Дороги назад нет. Элиза — леди. Сознание, что он поступит с ней правильно, сфокусировало его мысли, на миг рассеяв мрак. Она станет началом жизни, созданной им самим, а не навязанной — какой бы благословенной та ни была и как бы ни был он благодарен за то, чего явно не заслужил.

— Но зачем связывать себя сейчас? — спросил его Питер. — Ты же еще так молод.

— Не суй нос не в свое дело. — Грегори прошагал мимо брата и задел его плечом достаточно сильно, чтобы донести свои слова. Он сунул коробочку во внутренний карман сюртука, поправил шейный платок и вышел из спальни, огромной продолговатой комнаты размером почти с охотничий зал. Ее спроектировал отец, когда мальчики были маленькими, и Грегори до сих пор делил ее с двумя братьями, когда бывал дома.

— Я иду с тобой, — заявил Питер и вышел вместе с ним на улицу.

— Отстань, — велел ему Грегори.

— Нет, не отстану. Я должен попытаться отговорить тебя от этого неверного шага. Это же серьезно, Грегори. Ты не можешь вот так просто взять и отдать мамино кольцо.

Ступив на тротуар, Грегори резко развернулся:

— Просто? Ты такого низкого мнения обо мне? Или о женщине, которой я собираюсь подарить этот символ моей привязанности?

— Привязанности? Это то же самое, что любовь?

— Уходи, Питер. Ты ничего не знаешь о любви. — Правда, Грегори и сам был мало сведущ в сердечных делах. Он представления не имел, любили ли друг друга его мать и маркиз, единственный отец, которого он знал. И если любили, считается ли это, раз у одного из них была тайна от другого?

Но отец и Каролина, его вторая жена, которую Грегори называет матушкой, как и три сводные сестры, совершенно точно любят друг друга даже после десяти лет брака. И хотя Грегори рад этому, слишком уж тесна их связь.

От мысли от подобной духовной близости у Грегори возникало желание ослабить шейный платок. Он будет верен Элизе, и они, вне всяких сомнений, будут регулярно предаваться любви, ибо она натура нежная, уступчивая и, он уверен, не станет отказывать ему в супружеских правах, но что до того, чтобы заглядывать друг другу в глаза, поверять свои мечты, надежды и вся прочая подобная белиберда...

Ну уж нет. Категорически нет.

Это его долг — жениться, чтобы продолжить род Брейди. Но какая-то его часть никогда не будет принадлежать дому Брейди. Та часть останется непокорной. Будет искать запретных удовольствий. Будет с отчаянным упорством стараться забыть о своем невыносимом положении — что он занимает не принадлежащее ему место.

Та часть заведет любовницу и оставит свою милую, покорную супругу дома.

Брат фыркнул:

— Ты не готов.

— Я готов, — прорычал Грегори. — Это не легкомысленный шаг с моей стороны. Я тщательно обдумал этот вопрос.

И он действительно думал об этом очень много для человека, внимание которого устремлено к другим вещам: увлечение архитектурой, спорт, политика и азартные игры; и его более земные обязанности наследника, которые, по настоянию отца с матушкой, Грегори вскоре предстоит взять на себя. И потом эта постоянная необходимость играть роль, скрывать свою страшную тайну. Бывают дни, когда он ложится спать, обессиленный ее непосильной тяжестью.

Зрачки Питера были черными и расширенными, губы вытянуты в тонкую нитку.

— Плохо ты обдумал, очень плохо.

— Погоди-ка. — Грегори вплотную придвинулся к брату. — Ты намекаешь, что Элиза не стоит моего расположения?

Питер не отступил.

— Ни на что я не намекаю. Я прямо говорю, что ты одурманен и не в состоянии ясно мыслить.

— Я никогда не буду одурманен, Питер, ни одной женщиной.

— Тогда объясни, почему ты был так взбудоражен, когда искал это кольцо? Я мог бы выстрелить из пистолета у тебя под ухом, и ты бы не обернулся. Разве это не говорит о том, что...

— Ты не доверяешь мне, — сказал Грегори, чувствуя иронию своих слов.

— В этом — нет. — Голос Питера был твердым. — Ты не ценишь это кольцо так, как должен, и я рад, что мама не видит, что ты с ним делаешь.

— Я сыт по горло тобой и твоими оскорблениями. — Грегори с силой толкнул его в плечо. Питер покачнулся, но на ногах устоял. — Давай же, братишка. — Сводный братишка. — Покажи мне, что у тебя есть, кроме слов.

— Забудь. — Питер устремил на него прямой, твердый взгляд. — Валяй, продолжай эту глупость, мне плевать. Сам же потом пожалеешь.

Он резко развернулся и зашагал прочь.

Грегори воззрился вслед брату, злясь на себя за то, что поддался его детской вспышке. Он считал себя вполне зрелым, чтобы жениться на Элизе, однако же Питер умудрился расхолодить его.

Если это так легко сделать, то и в самом деле, так ли уж крепка его убежденность?

Грегори отмахнулся от этой мысли как от нелепой. Даже не принимая во внимание то, что брак теперь является настоятельной необходимостью, он легко мог представить себя женатым на Элизе. Ее родословная безупречна. Она хорошая собеседница и недурна собой. И покладистая, что для жены крайне важно.

А если он еще слишком молод, что ж, так тому и быть. Друзья как-нибудь переживут и пусть держат при себе свои шуточки, если хотят и дальше называться его друзьями.

Он решительной поступью прошагал несколько кварталов до нужного дома. По мере того как он приближался, мышцы бедер, икр и живота напрягались все сильнее. Оказывается, предложение руки и сердца — чертовски непростое дело даже для очень самоуверенного мужчины. Что она скажет, когда он вручит ей кольцо?

И что скажет он?

О боже, как же он не додумался отрепетировать речь? То, что он в юном возрасте оказался выброшенным без руля и ветрил в море жизни, хорошо научило его ориентироваться в незнакомом мире. Он выигрывал скачки именно тогда, когда держал поводья свободно, когда не анализировал каждый поворот дороги. И все его лучшие работы в качестве начинающего архитектора были созданы, когда он действовал по наитию, которое могло застигнуть его на середине фразы во время беседы в лондонской кофейне. Или приходило во сне. Или словно бы разворачивалось перед ним, когда он делал наброски, не зная точно, в каком направлении движется.

В том, что он в один день лишился матери, отца и самого себя, было все же одно преимущество: жизнь не

в состоянии была подбросить Грегори ничего такого, с чем он не смог бы справиться.

Он позвонил в колокольчик, уверенный по крайней мере, что является желанным гостем. Семья — включая дворецкого — явно одобряла его, что, впрочем, неудивительно. Он же наследник маркиза, как же его можно не одобрять?

Он намеревался вначале попросить Элизу выйти за него — тайное, интимное предложение, которое застигнет ее врасплох, как и полагается всем надлежащим романтическим жстам. А потом сыграет по общепринятым правилам и попросит встречи с ее отцом, которая будет само собой разумеющейся. А после того как получит отцовское одобрение, сделает вид, что впервые просит ее стать его женой в библиотеке лорда Берда — но они-то с Элизой будут знать, как обстоит дело на самом деле.

— Лорда и леди Берд нет дома. Леди Элиза в саду, — информировал его дворецкий, прежде чем Грегори успел спросить. — Она показывает лорду Моргану и леди Пиппе Харрингтон розарий своей матушки. — Словно невидимый покров опустился при упоминании Пиппы. Только не она. — Позвольте взять вашу трость и шляпу?

— Благодарю. — Грегори спрятал свое раздражение из-за того, что его планы оказались нарушены, и отдал трость и шляпу.

Шелковая коробочка прожигала дыру в кармане, но придется отложить этот жизненно важный момент. Избавиться от Дугала будет просто, но вот Пиппа — другое дело. Грегори виделся с ней раз в году в Девоне, на дне рождения ее двоюродного дедушки Берти, своего крестного, и так было с тех пор, как ему исполнилось восемь лет — достаточно, чтобы путешествовать одному и не плакать, — а ей три. Она редко наезжала в Лондон, поэтому он не мог просто отделаться от нее. И оторвать ее от старой подружки Элизы может оказаться нелегко.

Тем не менее он избавится от этих двоих — и они даже не поймут, что их спровадили. Он воспользуется своим

безотказным шармом, унаследованным от матери — а не от отца, как все полагают, — дабы убедить их, что они уходят по собственному почину.

— Кратчайший путь — через бильярдную, — сказал дворецкий, указывая направление.

Грегори прошагал по дому и вышел через одно из французских окон на узкую, посыпанную гравием дорожку.

Ему навстречу шла Пиппа со слегка покрасневшимся лицом. Ей, с ее огненно-рыжими тициановскими волосами, никогда не удавалось войти в комнату незамеченной. На ней всегда была по крайней мере одна необычная деталь туалета. Сегодня это был золотисто-желтый бархатный спенсер с узкими рукавами, которые заканчивались большими манжетами с непомерно крупными изумрудными пуговицами-стразами. Под ним простое муслиновое платье цвета слоновой кости. Шляпы не было и в помине, но это Грегори не удивило.

В этом она походила на его родную мать, которой было совершенно все равно, одобряют ее или нет. Разумеется, теперь Грегори знал, что мамино безразличие было напускным. Ей было не все равно, что думают люди. Совсем не все равно.

«Поклянись, что не выдашь нашу тайну, Грегори. — Мама прижала его голову к своей слабой груди и погладила по волосам. — Это только ранит чувства твоего отца и поставит в трудное положение семью. Но я должна была рассказать тебе, дорогой, иначе я не смогу улететь. Не смогу улететь прямо на небо, как, я знаю, ты хочешь».

«Клянусь, мама. Я никогда никому не скажу».

Счастливчик, помогающий своей маме улететь на небеса. Ему тогда было тринадцать, и с тех пор он живет в своем собственном маленьком аду.

— Грегори? — Пиппа, как обычно, светилась. Она улыбалась той же широкой улыбкой, что и в тот день, когда пришла в дом своего двоюродного деда с пустоши без двух передних зубов, с грязным пятном, красу-

ющимся на ноге, и полевой мышью в руках в качестве подарка для Берти. — Ты смотришь сквозь меня, словно я призрак.

— Ты меньше всего на него похожа, — ровно проговорил он.

И это было истинной правдой. Она — самая живая из всех известных ему людей, и потому-то он и относился к ней с подозрением.

Задумываются ли когда-нибудь такие люди, как Пиппа и его мать, что их личные удовольствия делают с другими? Какую цену остальной мир платит за их приключения?

После маминой смерти он перестал играть с Пиппой в их ежегодные детские игры — он всегда звался капитаном, а она была лейтенантом, и их яблочные войны стали легендарными — и отказался обследовать с ней потрясающие дартмурские торфяные болота, утверждая, что предпочитает библиотеку крестного.

Но то было ложью. Он просто не хотел находиться рядом с ней — живой, любознательной, смешливой девочкой с искренней готовностью завоевать мир.

— Что случилось, Грегори? — как-то спросила она его в библиотеке Берти — неожиданно, когда он тихо оглядывал полки. Она стояла в дверях, по-птичьему склонив голову набок.

— Ничего, — ответил он. Ему было шестнадцать, ей — одиннадцать.

Она делала то же самое и в последующие годы, и в последний раз это случилось, когда он только окончил Оксфорд.

— Что с тобой такое? — спросила она за обедом, когда внимание Берти отвлекла мать Пиппы и ее противный второй муж.

— Не твое дело, — буркнул Грегори. Это был первый раз, когда он вообще признался кому-то, что что-то не так. — Не спрашивай больше.

С того вечера ничего больше сказано не было.

Слава богу.

Для всех остальных он — успешный, компанейский старший сын маркиза и маркизы Брейди. Но от Пиппы ничего не скроешь, она знает Грегори так же хорошо, как небо и пустошь, которые так любит. Она чувствует его терзания. Мрак у него в душе. Он просачивается в его вежливые улыбки, и Грегори становится все труднее изображать из себя лондонского остряка, амбициозного молодого архитектора и состоятельного наследника.

Сейчас он поднес ее затянутую в перчатку руку и коснулся вежливым поцелуем пальцев.

— Такая редкость — видеть вас в Лондоне, миледи. И особое удовольствие видеть вас так скоро после дня рождения Берти. Как он? Не считая того, что стал...

— Старше? — Глаза ее насмешливо поблескивали.

— Да, старше. — Она всегда умела справляться с неловкими моментами.

Справляться с ним.

— Очень хорошо, спасибо. — Улыбка ее была приторно-скромной. Понимающей. Она прекрасно знает, что он избегает ее. — Мы с мамой хотели, чтобы он тоже приехал на свадьбу Данверс-Тремонов, но ты же знаешь дядюшку Берти. Он твердо решил, что следующая свадьба, на которой он будет присутствовать, должна быть моей.

С Грегори, был невысказанный конец этого предложения, и они оба это знали.

— Значит, ты идешь на свадьбу? — спросил он.

— Да.

— С леди Элизой?

— Ну да.

— Старым школьным подругам всегда есть о чем поговорить.

— А свадьбы только добавляют тем для разговоров, — заметила она. И легкая тень расстройства промелькнула у нее на лице.

Или это сердечные страдания? Грегори почему-то сомневался. Жених был вежливым, скучным аристократом, на его взгляд, совсем не во вкусе Пиппы.

И тут до него дошло. Быть может, она тоже хочет избавиться от него?

— Прошу прощения, — быстро проговорил он, чувствуя себя глупо. — Я задерживаю тебя. Вероятно, ты планируешь посетить новую выставку в Британском музее?

Он знал, что она не любительница побрякушек и всякой мишуры. Но наверняка выставка экзотических животных привлечет ее.

— Уже посетила, — ответила она, — и это было ужасно интересно. Нет, милорд, я никуда не спешу. Я с удовольствием поболтаю с вами. — Хотя, когда она улыбнулась на этот раз, улыбка показалась несколько вымученной. — Я просто шла в гостиную взять свою сумочку. У меня с собой угольный карандаш и маленький альбом — хотела зарисовать сад.

— Как интересно. — Он силился не выдать голосом своего нетерпения.

— У меня появилось новое увлечение. — Она огляделась по сторонам, как будто они были не одни, и наклонилась к Грегори: — Изготовление скульптур из сахара.

— О?

На щеках проступили ямочки, и она энергично закивала:

— Я просто помешана на них. Садовые сценки с крошечными церквушками и пастушками, золочеными лошадками, причудливыми цветами, плетеными корзинками. Когда я оказываюсь в каком-то месте, которое мне нравится, — она взмахнула рукой, охватывая дом и сад, — то делаю наброски. На случай, если когда-нибудь мне захочется воспроизвести это как часть пасторальной сцены для десертного стола.

Он огляделся вокруг. Дом Элизы был скучнейшим, ничем не примечательным сооружением. Внушительное здание со строгими, прямыми линиями, оно стояло, как

полная солонка на кухонном столе. И сад, по-видимому, спроектированный человеком, начисто лишенным воображения, был немногим интереснее.

— Здесь мило, — солгал Грегори. — Принести тебе твою сумочку?

Она вновь украдкой оглянулась на сад и покраснела.

— Нет, нет, спасибо, хотя... — Она заколебалась, и прежняя неловкость снова вернулась. — Ты не против пойти со мной? Я могла бы рассказать тебе новости о театрах дядюшки Берти. Последний открылся недавно в Бристоле.

— Конечно. — Грегори снова открыл двери в бильярдную. Пока он слушал Пиппу, в душе начало зарождаться какое-то смутное беспокойство. Это не было чем-то особенно важным, просто нечто вроде легкого любопытства: а что здесь делает Дугал? Он время от времени танцевал с Элизой на разных балах, разговаривал с ней на суаре и здоровался, если они встречались в парке, когда она была в коляске Грегори. Но в остальном они были просто знакомые.

В гостиной Грегори отвлекся, когда Пиппа сняла перчатки, положила их рядом со скромной соломенной шляпкой, небрежно брошенной на фортепиано, и достала из сумочки угольный карандаш и альбом. Движения ее были уверенными и умелыми.

У Элизы пальчики тонкие, изящные. Прошлой ночью они порхали по его спине, словно бабочки.

Руки же Пиппы совершенно другие, и видя, какими обыкновенными они выглядят, Грегори даже слегка посочувствовал ей. Она, возможно, любит и знает природу, но в более изысканном обществе ей не сравниться с энергией его будущей жены.

Хотя, с другой стороны, кто может с ней сравниться? Элиза, несмотря на свою скромность, господствует среди юных барышень света, но делает это со сдержанной элегантностью, которая очаровывает всех, кто соприкасается с ней.

— Значит, ты остановилась у леди Элизы? — поинтересовался он.

Они отправились в обратный путь через дом в сад.

— Нет. — Пиппа приостановилась у бильярдного стола. — Мы с мамой и мистером Триклом — в гостинице «Крийон». Я сбежала этим утром, чтобы повидаться с Элизой. Она сказала, что это единственное время, когда мы можем встретиться. Элиза весьма популярна в обществе. Не представляю, как она все успевает.

Грегори мог бы поклясться, что заметил, как ее пальцы стиснули угольный карандаш и альбом.

Что-то было не так. Она как-то странно сглотнула.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — Грегори наклонился к ней и почувствовал исходящий от волос запах лаванды. — Принести тебе воды?

— Нет, не нужно, но спасибо, — отозвалась Пиппа тоном, который был чересчур вежливым и несколько отстраненным. Она как будто разговаривала с незнакомцем.

Конечно, они видятся всего раз в году, но Грегори уж точно не незнакомец. Это он обычно ведет себя холодно — не она. Ощущение было своеобразным.

Пиппа ни к кому никогда не питала неприязни, и Грегори вдруг подумал, что не хочет быть первым.

Он вновь распахнул двери бильярдной, и они вышли в сад.

— Прошу прощения за любопытство, но мне интересно, что привело сюда Дугала?

Пиппа плавно скользила впереди него по узкой дорожке.

— Понятия не имею, — ответила она через плечо. — Они с Элизой, должно быть, знают друг друга.

— Должно быть, — согласился Грегори.

Где же они?

Пиппа приостановилась, чтобы полюбоваться пышной гортензией.

— Эти цветы такие красивые, правда?

— Да. — Хотя, на взгляд Грегори, эта гортензия была ничуть не больше достойна комплимента, чем любая другая, виденная им.

Его охватило нетерпение увидеть Элизу, и пришлось приложить усилия, чтобы не стиснуть пальцы в кулаки и расслабить челюсть.

Пиппа вскинула на него свои яркие глаза, ореховый цвет которых сделался зеленым на фоне садовой растительности.

— Так непривычно видеть тебя не у дяди Берти.

А она откровенна, ничего не скажешь.

— Да, — согласился Грегори и понял, что так оно и есть. Ситуация казалась какой-то неправильной. Вероятно, в этом и есть причина его смутного беспокойства. То, что он видит Пиппу не в том месте. И ощущает ее нервозность.

Да, точно.

Она, казалось, замешкалась. Грегори был рад взять инициативу в свои руки. Одним ловким движением он обошел ее на дорожке.

— Если хочешь порисовать, вот там, через три гортензии, есть скамейка, которую ты, возможно, не заметила. — Он указал на восток. — Я найду Дугала и леди Элизу.

— Хорошо, — чуть слышно отозвалась Пиппа.

Он почувствовал, что она не испытывает к нему неприязни, в конце концов, это принесло облегчение, за которым быстро пришло чувство вины: он слишком холоден с ней. Чересчур холоден. Она же не виновата, что свободна, гораздо свободнее любого из известных ему людей, даже несмотря на то что общество — и дядюшка Берти в особенности — сковывает ее обычными ожиданиями.

Как же ей это удастся? Как она так хорошо научилась жить без своих оков?

— Увидимся через минуту, миледи.

В глазах ее промелькнула тревога.

— Да, — прошептала она.